

Да, сегодня он, должно быть, существует как мертвец,
но, быть может, однажды, в старости он вспомнит,
насколько не только лучше, но и правдивее мечтать
о Бордо, чем в Бордо высаживаться.

*Ф. Пессоа. Книга покоя**

* Перевод А. Дунаева. — Здесь и далее прим. автора.

Март, 18

Сегодня меня обследовал патологоанатом. Я отчётливо помню, как скальпель проникал в мой висцеральный жир, о существовании которого до этого момента я не догадывался. Не догадывался я и о шишковидной железе, стремечке и даже о селезёнке. Вообще, до соприкосновения лезвия с той или иной частью моего тела, я не задумывался о её наличии и свойствах, принимая бытийность органов как нечто само собой разумеющееся.

— Начнём, наверное, с коленей.

Безумие: приходится пробираться вдоль какого-то низкого деревянного забора, местами прямо по голой земле, и каждый камень ощущается ими — коленями, а по лицу то и дело скользят паутины. Я говорю «безумие», негодую из-за неудобного положения и грязи под ногтями, но стоит признать, что в целом происходящее вполне вписывается в концепцию человеческой жизни. Чему же тогда я удивлён больше? Тому, что я в строгом пальто ползу обходными путями по чужому саду? Или тому, что в дом отца негодницы (а она живёт с отцом) вдруг заявила мать, но вместо того, чтобы представить меня ей, лицом к лицу, отрекомендовать, что соответствовало бы моему статусу и всем нормам приличия, эта наглая девчонка вытолкала меня через чёрный ход в сад и, указав на старую калитку, заперла за мной дверь. И что же я? Я послушно пополз. Сначала мимо слив, потом мимо аронии, скромно зовущейся черноплодкой, затем под руку подвернулся один-единственный кустик малины, овитый белым вьюнком. И ведь я полз так ловко, будто всю сознательную жизнь только и делал, что влачил своё туловище от одного куста к другому на чужих участках — пристыженный, но не пойманный.

Но теперь, с высоты моего нынешнего положения, я отчётливо вижу, что именно так и прошла моя жизнь.

Скальпель аккуратно поддевает латеральный мениск левого колена, хладнокровно констатируя небольшой разрыв, отделяет хрящ от эпифиза берцовой кости, и он исчезает навсегда.

Я определённо видел эту картину раньше, даже листва пожухлая застревает между пальцев точно так же — всё скопировано и восстановлено вплоть до мельчайших деталей. Я будто бы снова ползу по огородам на окраине провинциальной столицы. Я не знаю, сколько мне лет, в то время задумываться об этом было ни к чему — я, как и всякий сорванец с пригорода, прекрасно ориентировался на местности и без зарубок, впрочем, в этом плане тоже изменилось немного. Каждый отрезок времени суть этап одной большой игры, и её правила требуют, чтобы я сначала прятался, а потом догонял, а иногда и то и другое сразу. Сейчас — на столе патологоанатома — далеко мне уже не уползти; тёмная фигура вырастает надо мной под солнцем операционного светильника, она молчит, я поднимаюсь, принимая поражение с достоинством, и не пытаюсь его оспорить. Она всех отыскала (всего нас четверо, все — мальчишки, младше и ниже её ростом). Она вытянула свою неестественно длинную худую руку вперёд, и мы как один вытаращились на гнездо, которое лежало на её ладони.

— Как думаете, что это?

— Гнездо синицы, — уверенно сказал Павлуша.

— Нет, дурашка.

— Я знаю гнёзда всех птиц! Это точно оно.

— Это не гнездо синицы.

— Я даже знаю, где ты взяла его, вон на той яблоне...

Утром в нём щебетали птенцы. Куда ты их дела?

— Я же сказала, это не оно!

— А что же? — К глазам Павлуши подступали слёзы. — Что это?

— Вот и скажи мне.

Я почему-то усмехнулся, но она была как никогда серьёзна.

— Отвечайте все.

— Двоичный код? — предположил сощурившийся от солнца мальчишка — Дима, прервав возникшую паузу.

— Нет.

— Может, это про стерилизацию населения планеты? — неуверенно спросил Егор.

— Нет. — Она поднесла гнездо к глазу и посмотрела на нас сквозь него.

А вот и моя попытка:

— Это символ иллюзорности... — сказал, и вот я наконец у цели: толкаю калитку, ржавые петли откликаются характерным скрипом, выползаю наружу и лишь затем поднимаюсь над низким забором, отряхиваюсь.

Надо бы осмотреться. В пейзаже, совсем нетипичном для наших окраин (я в этом кое-что смыслю), есть что-то скорее от лондонского пригорода. По большей части одинаковые мрачные домики из камня отделены друг от друга рядами коротко подстриженных кустов, тихая улица едва заметно дышит прошлогодней листвой по дороге, всё вокруг вылизано, асфальт без единой колдобины, людей почти не видно, перед фасадами с окнами в пол расположились ровненькие газоны, даже газонокосилку оставили на улице. Такая вот пригородная осенняя рутина.

Но что-то всё же не так, калитка накренилась вперёд и не думает закрываться, но так даже лучше: этот незатейливый уличный жест сообщает мне уверенность, что я ещё вернусь сюда. Должно быть, это и есть главная оплошность моей жизни, ведь, несмотря на разбросанные повсюду тайные знаки, я слепо верил, что путь мой пролегает исключительно в одном направлении и я больше не вернусь — ни на огороды, давным-давно поросшие

полянью и лебедой, ни на эту осеннюю улочку, ни куда-либо ещё.

И всё же каков квартал! Как он звучит! Жаль, что нет с собой фотоаппарата — хочется запечатлеть золотистость и ветреность духа коммивояжёрства. Телефон такое не возьмёт. Непростительная оплошность. Для полноты образа не хватает толстого каталога с образцами тканей и нашитыми на них черепаховыми пуговицами. Помнится, на ночь мама вместо сказок читала мне рассказы Кафки, а я мечтал быть коммивояжёром, долго не мог уснуть, шагая бесконечно и бессмысленно по таким вот именно улочкам, из дома в дом, подыскивая подход к потенциальным покупателям, но раз за разом встречал отказы. Коммивояжёр — Вояджер¹, общность этих понятий чересчур ясна для меня.

А вот и они: в трёхстворчатом высоком окне, в котором опалом до середины застряло небо, белокурая девушка и мать проходят в гостиную, смотревшуюся неплохо, может, лет семь назад, теперь лишь отдающую тенью мещанства. Часом ранее она без зазрения рассказала, что мать её долгое время была на реабилитации во время развода с отцом, поэтому у судьбы не возникло раздумий, кому поручить воспитание дочери (отнюдь не из-за влиятельности папаши). Не так давно мать вышла из лечебницы в третий или четвёртый раз (дочь не помнит наверняка). Девочка — буду называть её Лизой — испытывала по отношению к матери нечто среднее между жалостью и отвращением. По крайней мере, сама так заявляла, стоя на коленях. «От-вра-ще-ни-е», — повторяла она голосом, в котором было столько холода, что места сомнениям в искренности слов во мне

¹ «Вóяджер» (англ. *voyager*, буквально — «путешественник») — название двух космических зондов, предназначенных для исследования дальних планет Солнечной системы

попросту не оставалось. Для наркоманки мамаша держится молодцом, посмотрим: болотный дамский пиджак не по размеру, с нелепой зелёной брошью в форме жука-бронзовки на груди, отстроченные брюки и стоптанные туфли на низком каблучке — парадный костюм рядовой сотрудницы колл-центра, специализирующейся на продажах бытовой химии для прочистки труб; а в руках одинокая купюра — всё, что она может дать дочери взамен двухчасового свидания в свой единственный выходной. Не могу разглядеть номинал, дочь нехотя берёт купюру, едва заметно закатывая глаза, и приторно благодарит за щедрость мать, только-только устроившуюся на работу и пока ещё не успевшую снова загреметь в наркологичку.

И вот Лиза замечает невоспитанного меня, так бестактно и бесхитростно черпающего через окно трагизм воссоединения семьи. Семья сегодня — это же о-го-го! Что-то сказав матушке, она подходит к окну, я на прощание машу ей прядью волос пшеничного цвета, состриженной шутки ради с её затылка, и за секунду до того, как шторы задёргиваются, успеваю запечатлеть ехидную улыбку и средний пальчик. Ах, сучка. Кто она? А где, собственно, я нахожусь? Аккуратно я завязываю прядку бантиком вокруг одной из сотен пуговиц на страницах моего сакрального каталога. Торчать здесь дальше нет никакого смысла, поэтому, обратившись к телефону за ответами, я трогаюсь в путь, у которого нет конечной точки, и от одной лишь мысли об этом слегка щечочет кончик носа и ногам становится особенно лениво ступать по лестнице на порог очередного дома.

— Какой ещё двоичный код? Какая стерилизация? Вы чего? Гнездо синицы... Смотришь на него — и не отвертеться: весь мир сквозь сеточку. Это всеобъемлющая иллюзорность нашего быта. Казнь, которую одобряют, — зловеще произнесла коротко стриженная девочка, а не я.

Память ловко подтасовывает карты, выставляя меня то в лучшем, то в худшем относительно действительности свете. Небольшой шрам на лбу девушки внушает доверие и глубокое уважение, и никто из нас, не желая показаться дураком, не переспрашивает, что означает её фраза. Как обычно, мы киваем, будто это настолько очевидно, что единственное, чего не хватало этой мысли, — быть произнесённой вслух. Затем следует многозначительная тишина, во время которой одна непослушная русая прядь, выбившаяся из нерасчёсанного каре, скользит по веснушкам носа; прядь смеётся, девочка смеётся и с размаху швыряет гнездо куда подальше. Она делает это снова и снова, и я, возвращаясь к этому моменту, ничего не понимаю и не могу вырваться за границы увиденного и совершённого. Я снова ползу по земле вдоль невысокого деревянного забора, вдоль живой изгороди, мимо всех кустов аронии на планете, долго-долго ползу, пока колени не стираются до состояния каких-то лоскутов, но я не могу остановиться, ведь я уже полз, а значит, другого мне не дано.

Апрель, 23

Я слышу муху. Я её не вижу, ведь чуть больше месяца назад ты прикрыла мои глаза своей ласковой рукой, напрочь лишив меня даже потенциального желания противиться внешней воле. Честно говоря, я всегда считал, что присутствие мух в подобных местах (вдруг стало как-то неловко произносить «морг») недопустимо. Я отчётливо слышу жужжание то приближающееся, то удаляющееся, без особых надежд пытаюсь визуализировать его источник, а в это время лезвие ножа щекотно скользит вниз по моей правой икре вдоль большеберцового нерва до самого ахиллова сухожилия.

Я пытаюсь отвлечься, чтобы не расколоться. Лежу с глупой улыбкой на лице, затаив дыхание. Зачем? Может быть, потому, что не хочу пугать (удивлять) тебя лишний раз, но, скорее, просто выжидаю момент без какой-либо конкретной цели.

«Чик», — щёлкнул затвор фотоаппарата, чем привлёк внимание рабочих, собравшихся пойти на перекур.

Стена, отделяющая мою будущую студию от шахты лифта, столь тонка, что любой шорох механизма, не встречая препятствий на своём пути, проникает в мою несчастную голову. Сколько здесь этажей? Двадцать? Тридцать? Очевидно, чем выше здание, тем больше лифтов требуется и тем чаще они будут перемещаться вверх-вниз. От этой очевидности не легче: мной завладевает не совсем уместное ощущение, будто это не муха летает туда-сюда, а лифт, и мне с лёгкостью удаётся представить парящий в пустом пространстве металлический ящик, а чёртову муху — нет, как бы я ни напрягал своё воображение. Пучеглазая голова, лапки, крылья, брюшко — по отдельности они вроде бы все тут, передо мной, но отчего-то никак не желают собираться в единое целое — в живое. Никто не готовил меня к тому, что в итоге тело моё будет разобрано на части, подобно моей гипотетической мухе, и что я буду отчётливо чувствовать, как лезвие бесцеремонно нарушает целостность моего существа. Стоит ли теперь негодовать из-за того, что вокруг меня кружат надоедливые лифты?

— Придётся изрядно потратиться на звукоизоляцию, — произношу.

Изначально сомнительной казалась затея обустроить жилое помещение посреди оживлённого офисного пространства, не приостанавливая при этом деятельность компании, дабы не нести дополнительные убытки. Мне и самому было несколько неловко, даже стыдно, ведь проведение строительно-отделочных работ неизбежно связано с шумом,

пылью и прочими неудобствами для коллектива. Но перепланировка, помнится, была моим главным требованием при трудоустройстве. На скорую руку мной был набросан план помещения с соответствующими пометками:

- 1) Никакого гипсокартона и ровных углов, мне подходит лишь вишня, слива или иная натуральная древесина.
- 2) Сооружение должно напоминать черепаху (но не быть ей), и чтобы входить и выходить можно было из «головы».
- 3) Для внутренней отделки стен предпочесть зелёный цвет (виридиан), он удачно сочетается с элементами из дерева.
- 4) Однотонные обои, высокий бордюр.
- 5) Можно даже капельку лепнины, аккуратно (терпеть не могу лепнину (она пошла и нелепа)).

По ходу строительства возникали и другие замечания, я не знал, кому их следует передавать, потому так и хранил скомканные клочки исписанной бумаги² в большом кармане халата. Даже несмотря на точность формулировок, монтаж продвигался очень медленно, сроки то и дело срывались, а рабочие вместо того, чтобы заделывать швы, курили на лестнице, ей-богу, как черти да перетирали мне кости. Шли месяцы, одни подрядчики сменялись другими, но к какому-либо заметному прогрессу это не приводило. В свою очередь, по контракту это влекло то, что я мог не приступать к выполнению трудовых обязанностей в полном объёме. Отчасти поэтому я не очень-то торопил события, позволяя безделью приносить в мою жизнь некую расхлябанность. Спустя полгода и без того вольготный

² я строчил их ежедневно, и вскоре их скопилось так много, что они буквально вываливались из карманов

режим сбился окончательно; я ложился спать поздно и где попало, просыпался я тоже поздно, обычно прямо на чьём-нибудь рабочем столе, обнаруживая над собой обиженного владельца; затем, раскачавшись, я накидывал халат³ и шёл в общую уборную чистить зубы и умываться.

Чтобы смыть остатки сна, нужно набрать в ладони ледяной воды и тереть-тереть-тереть — лучшего рецепта ещё не придумано; в самом разгаре тонизирующего процесса я не выдерживаю и подглядываю сквозь тоненькую щель между ресницами, впиваясь в пространство секционного зала, да так жадно, будто последние десять лет был совершенно слеп. Я жажду увидеть надоедливую муху, чтобы лифтам впредь было неповадно нарушать законы физики и банальной логики. Но ещё больше я желаю, чтобы вместо ступни, ты низко наклонилась над моим лицом, ближе, ещё ближе — практически вплотную, ещё немного — и я почувствую твоё дыхание⁴, а прямо надо мной повиснет пара глухих отражений в твоих глазах. Но даже и тогда я не выдам себя и не моргну! Мне кажется отчего-то, будто эти отражения принадлежат не мне, а кому-то другому. Говорят, люди меняются, становятся непохожими сами на себя после... но это не суть. Главное, что твоё внимание мне льстит и теперь, льстит и одновременно пугает, а я не подаю вида, снова и снова предпринимаю тщетные попытки смыть водой невинный трепет, который испытываю перед тобой, будто всё ещё являюсь тем самым ребёнком, перед чьим носом ты держала пустое гнездо.

Из кабинки показался удивлённый сотрудник.

— Совещание через три минуты, — сказал и пошёл дальше.

³ который всегда валялся где-то неподалёку

⁴ когда не обладаешь своим собственным дыханием, эта мелочь становится значимой

— Дружище, — кричу я ему вслед, — пора бы уже и привыкнуть! — А сам эксперимента ради поднимаю руку. Немного с запозданием чужое отражение поднимает ногу. — Как ты это делаешь?

— Ты должен спасти их.

— Как?

— Делай то, что хочешь. Только то, что хо-че-шь. — Отражение не выдерживает и смеётся, сначала едва, а затем надрывно, до тех пор, пока я, охваченный внезапным порывом эмпатии, тоже не начинаю смеяться. Тогда оно вдруг замолкает, показательно громко вздыхая, будто мне не выкупить этой шутки вовек.

«Чик», — щёлкнул затвор фотоаппарата, сработала вспышка, все в офисе разом повернулись к приоткрытой двери мужского туалета.

— Не обращайтесь внимания, это просто я. — Уже некоторое время меня преследовало ощущение, будто все сотрудники офиса сговорились и объявили мне бойкот.

Будь я на их месте, я бы тоже объявил себе бойкот, в том смысле, что я вполне могу понять своих коллег⁵, но меня всё равно забавляло их напускное молчание и временами даже подзадоривало. Так, совершая свой привычный предобеденный променад, я вдруг ощутил сильное желание их слегка растормошить, преподнести урок осознанных сновидений.

В воздухе привычно для этого часа суетилось: кофе во всём разнообразии⁶ был разлит по кружкам десятью минутами ранее и теперь остывшим залпом допивался; последние мировые новости вскользь обсуждены; акулы офисного

⁵ между прочим, чтобы объявить себе бойкот, мне даже не нужно ставить себя на чьё-то там место

⁶ капучино, латте, раф, на обычном молоке и на альтернативном, и мой любимый — чёрный

мира и чуть менее крупная рыбёшка спешно стягивались в переговорную, которая благодаря удачному угловому расположению напоминала аквариум на фоне столичных сизых облаков. Каждую пятницу служащие моего отдела⁷ устраивали представление для единственного зрителя в моём лице. Неумелые актёры, они наигрывали как лося, когда водили беседы за проджекты и кейсы, хватались за головы, критиковали абстрактные процессы, с важным видом иллюстрируя их графиками вверх-вниз, японскими свечками, диаграммами и — самое тошное — своим самодовольным смехом. Обычно я в своём пятничном халате⁸ оставался снаружи и от скуки фланировал по безлюдному пространству офиса, тайком наблюдая за тем, как серьёзные дяди и тётки стараются не замечать моего скромного присутствия. И снова этот самодовольный паскудный смех. Я не обидчивый, верно, виной всему пресловутые вспышки на Солнце или полная луна, но в тот день моё туловище решило почтить собрание своим присутствием; я и до этого предпринимал пусть вялые, но всё же честные попытки приобщиться к коллективу и к деятельности компании в целом: начиналось это наваяние с того, что мне вдруг становилось совершенно необходимо разобраться, чем мы⁹, собственно, торгуем, кого консультируем, какие юридические услуги оказываем, правда, спустя каких-то два-три часа я уже подыхал от скуки, глядя на виляющую задом суть. В тот момент, когда со скрипом¹⁰ за мной закрылась дверь, слово взял один из новичков — я, как увидел, сразу же назвал его Алёшей. Был он с виду

⁷ включая удалённых работников

⁸ пятничный халат — бледно-розовый с длинным ворсом, зелёными манжетами, воротником и поясом (на каждый день недели у меня был свой уникальный единственный халат)

⁹ указание на общность — доктор говорит, что это хорошо

¹⁰ никогда раньше не скрипела

ну прям Алёша. Алёша принялся пояснять нюансы своей деятельности на фоне наскоро склеенной презентации (что-то про оптимизирование взаимодействия компании с представителями ме-ме-ме бе-бе-бе). Оратор из Лёшки выходил весьма посредственный, он то и дело запинаясь, местами чрезмерно важничал, краснел и как-то слегка подёргивался, обнаруживая в своей речи очередной промах. Когда же он закончил, скучающие слушатели лениво повылезали из телефонов, чтобы отвесить пару лицемерных комментариев:

— Достойное выступление.

— Можешь, пожалуйста, скинуть последний слайд с источниками?

— Молодчина!

— Компания нуждается в таких людях, как ты.

— Твоя работа очень важна.

— Жалкое зрелище, это было скучно и не умно, — сказал я, и все присутствующие разом повернулись на меня, поражаясь вопиющей откровенности, как будто их честное мнение в корне отличалось от моего.

— Весьма неплохо, — прервал неудобную паузу ведущий проджект-менеджер¹¹, похлопав Лёшку по плечу, а меня наградил презрительным взглядом. — Спасибо! На сегодня всё, можете расходиться. Не ты.

— Я?

— Дружище, — обратился он ко мне панибратским тоном, — зачем ты так с ним? Он же только устроился, пусть тренируется, не каждый с ходу делается Марком Аврелием.

— Марком Аврелием?

— Знаменитый римский оратор. Никогда не слышал? — Не успел я помотать головой, как он продолжил: — Не знаю, кем ты и твой приятель Пьеро приходитеесь директору, каким

¹¹ предположительно

раком вы вообще тут забыли, но кем бы ты ни был, это не позволяет тебе оскорблять моих сотрудников. Запомни это.

— Постараюсь.

— Постарайся уж, будь добр, — повторил он, но вдвое громче, чтобы как можно больше ценителей кулуарных бесед на повышенных тонах смогли вовлечься в эту игру. — Каким бы крутым спецом ты ни был, это не даёт тебе право...

Вот так началось сегодняшнее утро. Под моим приятелем ученик Марка Аврелия подразумевал пугающего старика в костюме арлекина, сошедшего будто с картины Бенуа, который иногда появлялся в офисе; он просто стоял с кошкой на руках и таранился в одну точку — безыдейные сотрудники прозвали его Пьеро. Понятия не имею, с чего вдруг Пьеро заделался мне в приятели, в конце концов, чёрт с ним, как я уже говорил, я не из обидчивых.

Закроешь глаза, досчитаешь до десяти, потягивая ноздрями почти что «горный воздух» из сплит-систем такой-то такой-то фирмы — «вдохни принадлежность к высшему», — слышится равномерный звук шагов, кто-то изредка кого-то пресечёт, и снова щелчки мышкой, тихие постукивания клавиатуры — цельный ансамбль из стекла, пластика и человека. В такие моменты я отчётливо чувствую, как декоративные сухие кусты, расставленные по углам в больших глиняных вазах, шурша отворачивают от меня свои ветви. Я на время исчезаю. Лишь слышимое где-то на заднем плане жужжание мухи вносит некоторый хаос, своими эпилептическими перемещениями наталкивает мысли на ложку, которой небрежно мешают сахар в кружке чёрного, как безлунная ночь, кофе¹².

¹² мой любимый

Возле огромных окон, согласно рекомендациям ВОЗ¹³, МКООП¹⁴, ВБОП¹⁵, ЕРОТ¹⁶ и МПАГО¹⁷, расположены так называемые стоячие рабочие места и беговые дорожки, настроенные на умеренную ходьбу перед компьютерами. Бастион джентрификации¹⁸: за окнами пейзаж, как и положено, разделён композиционно на три равных сегмента, в нижнем — сразу же за аккуратным подстриженным газоном и забором — берёт начало сетка низеньких промышленных построек и гаражей времён индустриального расцвета столицы, из-за одинаково ржавого цвета их трудно отделить друг от друга; посередине — за железнодорожными путями — томятся практически до горизонта ряды пятиэтажных жилых гробов, изъеденных личинками насекомых. Эти две нижние изолированные части относятся к внешнему лофтовому стилю, сочетающему в себе эстетику умирающего городского пространства и отсутствие необходимости непосредственного (негигиеничного) контакта с ним. А вишенка на слоёном торте — вид на благословенное Сити, идущий как бы в контрапункт с нижележащим пейзажем, символически побеждающий и топчущий его подобно тому, как Георгий¹⁹ топчет змея на копейке. Благодаря расстоянию и перспективе создаётся видимость общности, будто небоскрёбы

¹³ всемирная организация здравоохранения (иноагент)

¹⁴ международная комиссия по организации офисного пространства (иноагент)

¹⁵ всероссийская база офисных подпространств

¹⁶ европейская рубрика офисных технологий (иноагент)

¹⁷ московская профилактическая ассоциация гибких офисов

¹⁸ джентрификация — реконструкция пришедших в упадок городских кварталов путём благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей

¹⁹ Георгий Победоносец — христианский святой, великомученик («Википедия»)

Сити вдали и мы²⁰ — одно целое, мы — высоко, в то время как мир снизу продолжает ржаветь и поедаться ненасытными личинками. Высота здесь не столько физическая, сколько интеллектуальная, взывающая даже к гордости. Эту пряную гордость можно было с лёгкостью усмотреть в движениях окружающих меня людей.

— Придётся изрядно потратиться на звукоизоляцию. — Я уже хотел было сплюнуть зубную пасту в кофе попавшейся под руку сотрудницы (всё из-за её дурацкой привычки слегка закатывать глаза при разговоре, а ещё в рабочем чате она всякую фразу заканчивала многоточием: «ребята, где печать...», «ой я забыла...», «серёж почени сканер...»), как вдруг откуда ни возьмись возник директор. Пришлось ограничиться точным броском щётки в чей-то органайзер. Пасту проглотил²¹.

Директор — сухой мужчина, среднего роста, с заметной сединой, в тёмно-сером костюме на бордовую сорочку, ему около шестидесяти лет, но из-за жёсткой осанки, чётко очерченной линии густых волос и живости маленьких глаз стариком его назвать язык не поворачивался. Особенно прямой была шея, которой, кажется, не хватало лишь петли для совершенства образа, — настолько она была прямой. Одним кивком он приказал мне проследовать за ним, оторвав всех присутствующих в офисе от будничных дел. Я наскоро оглядел каждого из них, презирующих меня и одновременно презируемых мной.

Ну и кто из вас сдал меня? С чьей подачи была накатана кляуза, текст которой плыл у меня перед глазами: «Так не может больше продолжаться... это срыв рабочего процесса... диссидентство... саботаж в чистом виде...»?

²⁰))

²¹ без фтора, не беспокойтесь

Я вижу в их лицах довольство и страх, ничего, ребята, вы у меня ещё попляшете. Может, тот парень из уборной — Василий Е. — верно, он: работает в отделе экономического планирования, вечно спамит в чат сомнительными роликами политического содержания, но никто на них не отвечает. Ещё есть та недовольная девица из канцелярии — не Даша, а Дарьяна, чёрт её дери, — по поводу и без вставляющая в диалоги разнообразные смайлы пачками по пять-шесть штук? Или всё-таки претенциозный хохмач Игорёк (по пятницам по случаю совещания нацепляет чёрный шелковый платок на шею) — проджект-менеджер²² и любимчик дамской публики, генерирующий мемы (стоит отметить, вполне годные), скинет, и посреди щелчков клавиатуры где-нибудь да раздастся сдержанный смешок (он пару раз подначивал остальных против меня, правда, до стукачества не опускался).

— Совещание... настоящее! — объяснил я им. — Не расслабляться.

Здесь стоит отметить, что со времени моего вступления в должность директор ещё ни разу ко мне не обращался, ходил насупившись, глядя как бы сквозь. Руки при встрече не подаст, не поинтересуется, как продвигается строительство моей черепахи. Да и в принципе ни к кому из рядовых сотрудников он не обращался лично, а если требовалось призвать к ответу какого-нибудь руководителя направления, делалось это через посредство секретарши. В общем, был он очень важным человеком.

• • •

В его кабинете царил строгий минимализм; серые тона и матовый металл подчёркивали нотки безапелляционности и холода, с которыми придётся столкнуться посетителю

²² предположительно

(в голове один ремонт, прошу прощения). Каждая деталь выстроенного им пространства саднила тщательной продуманностью: абсолютная, тотальная симметрия, чётко выдержанная логика вещей — одним словом, ничего лишнего. Дай бог всем в его возрасте уделять столько внимания порядку и системности, подумал я и невольно выпрямился. Но стоило за нами захлопнуться двери, как мужчина со всей своей системностью разом поник, его плечи обмякли и провалились, он схватился за лицо и затрясся.

— Прости, Господи...

— Что-то случилось? — Я протянул было руку, чтобы приободрить его, но он дёрнулся так, будто в него тыкнули раскалённой кочергой, и закачался, как поплавков на лёгкой волне.

Вдобавок его вырвало прямо на ковролин, куда и сам он через секунду направился вслед за своим содержимым. Его сухое туловище охватили судороги, в припадке он принялся биться головой о стол, спиной о стул, отчего по столу ходуном заходили: наполовину пустой стакан, ручка, фигурка Венеры палеолита из обсидиана, фотография с дочерью в графитовой рамке, пятница, полдесятого утра. Мне стало жутко неловко быть единственным зрителем этой сцены.

— Сколько будет продолжаться этот цирк?.. — произнёс он с горечью в голосе, отбиваясь от помощи.

— Простите?

— За что мне это?..

Становилось всё более и более неловко.

— Может, стоит позвать кого-нибудь?

— Нет-нет-нет! — завизжал он как поросёнок, крепко вцепившись в мою ногу.

— Ладно, я не буду никого звать, только успокойтесь, если не хотите, чтобы вас видели в таком состоянии.

— Я спокоен, я абсолютно спокоен, — сказал он, а сам трижды с приличным размахом ударил себя по щекам.

— Вы меня, конечно, простите, если я вас чем-то обидел, но...

И не дожидаясь ответа — «Чик», — в линзах объектива отразился и вовсе не человек, но жалкое, скрюченное подобие, презренное насекомое, всем видом просящее размазать себя по полу.

— Смешно тебе?

— Скорее я нахожу это странным, поймите меня правильно... — То ли от растерянности, в которую вгоняла меня ситуация, то ли оттого, что он вновь щекотно впился пальцами в мою лодыжку²³, я и впрямь едва не рассмеялся.

— Смешно, конечно. А я и не против, смейся сколько угодно. Мне и самому смешно. Для чего ты, Господи, не оставишь меня? Знаю: этот Бог всегда находил в издевательствах особое наслаждение, а не находил бы, и не было бы в природе унижений и насилия, не было бы даже таких стремлений... и нам, как неотъемлемым частям Его, это хорошо известно.

— Господин директор, возьмите себя в руки, никто не собирается причинять вам вред.

— Жизнь моя не представляет больше никакой ценности. Я же сразу узнал тебя. Ты здесь из-за моего долга перед... перед...

— Перед кем? Будет проще, если вы уточните. Я уверен, человек в вашем положении много кому должен, и ещё куда большее количество людей являются должниками перед вами.

— Да-а. Ты не один из нас, я прав. — Он таинственно и как будто даже с надеждой кивнул в сторону висевшей

²³ где-то в этом мире ухмыльнулся один особо острый скальпель

на стене деревянной маски, один лишь вид которой вызвал новую волну смеха во мне. — Я тебя раскусил.

— Вполне один из вас, вот тут где-то заваялся договор... — Как назло, в единственном моём кармане среди кучи всяких бумажек никогда нельзя было ничего найти.

— Знаешь, что тебя выдало? Камера — та, что висит у тебя на шее, — «Зенит-ЕТ», она твоя?

— Это камера моей матери.

— Матери, верно... Я всего лишь хотел чуточку побыть в тишине, я не думал, что это так дорого стоит. — Говоря это, он обращался будто к невидимым слушателям а *parte*²⁴ подобно актёру на сцене, а не ко мне лично. — И почему случай не уронит мне на голову горшок с цветущими азалиями? Не сразит аневризмой?

Жалкие потуги обрести опору в логической структуре, принявшей облик стола, обернулись для него провалом. Он вновь повалился на пол. Его лицо, в артикуляции также привыкшее к минимализму, не умело как следует выражать ни страдание, ни раскаяние, а потому теперь искажалось самым что ни на есть гаденьким образом.

— Мне нужно сделать что-то, прежде чем начнём?

— Не знаю, а что мы начинаем?

— Я всё подготовил. Я имею в виду, мне положено последнее слово или нет?

— Наверное.

— Тогда... телефон... Дай мне телефон...

— Зачем он вам?

— Не доверяешь?

— На столе его нет, — ответил я, задержавшись взглядом на полном обсидиановом торсе Венеры. — У меня нет причин не доверять вам.

²⁴ в сторону (*лат.*)

— Всё верно... он же у меня в кармане. — Он постучал одновременно по ножке стола и по голове, симулируя деревянный звук. — Считай это последней прихотью.

— Пожалуйста.

Нелепо повалившись набок и растянув на лице своём самодовольную ироничную улыбку, директор начал запись.

Видео №1. 10:48

— Земля! На горизонте земля! А значит, я с радостью вынужден констатировать факт нашего с вами полного поражения, друзья мои! Ура! Два предыдущих корабля успешно пошли ко дну, затонет и наш — вместе со своими главными добродетелями — ложью и неумеренностью, немного лишь не дотянет до заветного края, обещавшего нам период счастья взамен всех тех горестей и утрат, к которым наш народ привык и без которых мы себя уже не мыслим. Часть из нас поварёшками трескали икру с закрытыми глазами, пока остальные обходились обгорелыми головками спичек, и когда трюмы опустели, последние ликовали, как я теперь ликую, зная, что ждёт нас. Зайдя на борт в поисках земли, мы грезили о вечном плаванье, и мы его получим. Я знаю, о чём говорю, ведь я отлично отобедал сегодня куском корабельной обшивки. Чего уж тут таить? Вы продолжаете ходить на работу как ни в чём не бывало, честно исполняете свои обязанности, затем честно отдыхаете, в то время как наш корабль захлёбывается. Мы слишком много забираем и слишком мало отдаём, одной жизни не хватит, чтобы расплатиться. Готовьтесь, друзья, и будьте благонравны. Хотите сказать, вам это неизвестно? Скажите это своему отражению, смелее, друзья мои. Вслух, все вместе: «Но от нас ведь больше ничего и не требуется: ходи и улыбайся». Вы жаждете быть обманутыми, раз не спорите с очевидной

ложью, и это лишь усугубляет ваш грех. Неужели за годы фордевинда²⁵ вы отвыкли от того, каким бывает ветер истории? Лишь последние слепцы и впрямь не видят, что от ветра истории не удастся спрятаться за закрытыми дверьми. Нет, конечно, нутро ваше помнит, потому в вас и плещет желчь, потому вы и бьёте себя в грудь. Не подумайте, будто я печалюсь за упокой идущего ко дну общества. Не тут-то было! Туда ему и дорога! И я с радостью забью свинцовый гвоздь в крышку хрустального гроба, и теперь уж не ждите протянутой руки, что спустится вдруг с небес и бескорыстно спасёт нас. Мы отвернулись от Бога, а Бог отвернулся от нас.

Конец записи.

Он остановил запись, напоследок взглянув в объектив так, будто хотел напугать незадачливого зрителя, затем обратился ко мне:

— Ну, как?

— Сложно судить.

— Фальшиво? Пафосно? Прямо до того, что вот тут зудит? — ткнул себя директор в область живота, вдруг он резко изменился, поднялся с пола, поправив запонки. — Напыщенно — вот то самое словцо. Будто в кишках ножом ковыряются, да? Так и нужно. Пометь себе где-нибудь. Карандаш на столе... Когда всё закончится и мой телефон будет найден, это видео заставит их попотеть. Что? Мне приходится без остановки лгать, чтобы быть здесь, это так. Как, собственно, и тебе. Думаешь, человеку легко выбирать между желанием тянуться вверх и необходимостью быть самим

²⁵ фордевинд (нидерл. voor de wind) — ветер, дующий прямо в корму или по курсу судна («Словарь морских терминов, встречающихся в рассказах», К. М. Станюкович)

собой? И то и другое в равной степени связано с уймой лишений и страданий, а в конечном итоге — абсолютно бессмысленно: в любую секунду воздушный шарик может напороться на гвоздик — и всё, фьюх!..

— Понятия не имею... — ответил я, но в том не было особой необходимости.

Я был будто зеркалом, в котором корчился директор точно так же, как и я корчился на секционном столе. К этому моменту я оставил попытки разобраться в сложившейся ситуации.

— Конечно, не имеешь. Ты выдаёшь себя за человека, говоришь, как человек, но ты лишь сила, приложенная извне с одной-единственной целью — раздавить меня настолько медленно, насколько это возможно. И никакими деньгами мне не откупиться. Деньги! Помяни моё слово: скоро они никому не будут нужны, ни мне, ни тебе, никому из них. — Широким жестом он охватил столичное пространство за окном.

— Почему же...

— Почему? — растянулся он в самодовольной улыбке. — Они же все без исключения фальшивые! Но кое-что у меня всё-таки имеется, кое-что настоящее, что точно тебя заинтересует. Да, имеется. У меня есть дочь. Возьми её.

— Что? Какого чёрта! Вы переходите все разумные границы и нормы приличия, — не выдержал и закричал я.

— Нет! Не отвечай отказом сразу. Не думай, что это решение даётся мне легко, — подмигнул директор. — Пораскинь хорошенько, она сможет быть полезной в вашем деле. Приходи вечером и сделай вид, будто ничего особого не происходит.

Внутри меня закипело возмущение, с которым было непросто совладать, но в то же время в голове скользнула шальная мысль: почему бы не подыграть больному ублюдку.

Я внимательно посмотрел на фото в графитовой рамке. Там в антураже милого итальянского патио был изображён сам он с неизменно строгим выражением лица, и это несмотря на ясный денёк, усыпанный белыми бутонами куст шиповника и безбрежное зеркало моря, краем вошедшее в кадр; перед ним на стуле послушно сидела девушка, скорее всего, старшеклассница, судя по форме; светлые волосы вьются до самых корней; глаза, в отличие от отцовских, крупные, но такие же холодные и неотзывчивые, — они венчали мягкий овал лица; под тонкой материей блузки начинала томиться грудь. Как давно была сделана фотография, сказать сложно, но судя по тому, что теперь он не выглядел особенно старше, — не более двух-трёх лет назад. Нужно получить больше информации.

— Боюсь, в таком случае я останусь должным, а я не люблю быть должным.

Апрель, 24

На следующий день местом встречи с моим лечащим врачом, как и прежде, был назначен цирковой шатёр за городом, развернувшийся прямо на притоптанном песке. Я пришёл пораньше и уже успел навернуть несколько кругов по окрестностям. Антураж ярмарки сообщал о себе хаотичным сплетением запахов и гаснущих огоньков. Звуков уже почти не осталось: лишь понурые шорохи расклешённых штанин, принадлежащих разного рода клоунам и укротителям огня, что шлялись без дела туда-сюда, и ещё потрескивание сигарет в их жёлтых ртах. Работники в комбинезонах совершенно бесшумно, как будто укутанные ватой, разбирали сцену в глубине блекнувшего заката; и только карамельный чад пальмового масла, настойчиво пробивающийся сквозь

табачный дым, напоминал о попкорне и бесформенной детской радости, витавшей здесь днём.

Ровно в шесть женщина в вечернем синем платье со светлыми волосами вышла из шатра и с ходу протянула мне конверт:

— Не подглядывай, как думаешь, что там?

Я не выдержал и сразу же открыл:

— Это что? МРТ головного мозга?

— Угадай чьего.

— Моего мозга? Но когда вы успели? Это же недёшево...

— Неважно,不重要!

— Спасибо огромное! Как вы догадались, что сейчас оно мне всего нужнее?

— Ты наш постоянный клиент, считай это скромным подарком. К тому же сегодня минуло ровно 20 лет с того момента, как ты впервые забрёл к нам в цирк. Помнишь? А мы помним. И вот ещё... — Она надела мне на голову колпак, а на нос натянула красный кругляшок носа. — Бип!

— Мне очень приятно. А что по анализам?

— Анализы в норме. Как обычно, немного вылезает билирубин.

— А УЗИ?

— Господин Стужин, всё как и обычно. Если бы произошло серьёзное отклонение, мы не стали бы таить.

Не попрощавшись, она развернулась и скрылась за перламутром драпировки. Мы никогда на разглагольствовали сверх меры — мне в принципе вредно долго беседовать с врачами. Она знала мою склонность к ипохондрии и потому не тратила время на вежливость и приятельские формальности. В свою очередь и я не стал настаивать.

Смеркалось, пора в обратный путь, пока окончательно не стемнело, — до города было километров шесть-семь. Растроганный, я даже внимания не обратил на запачканные

ботинки. Каждый раз эта ярмарка разбивалась всё дальше и дальше от города, и ботинки приходилось пачкать всё сильнее и сильнее; мне уже начинало казаться, будто это делается лишь с той целью, чтобы насолить мне. Стоило ступить на обочину, как до ушей моих донёлся тоскливый мотив — это старый паяц Хрящ, свесив огромные башмаки с бочки, затянул песню; я шёл, увязая по щиколотку в песке, песнь постепенно затихала, лишалась цветности, но никак не желала исчезнуть полностью, даже спустя полтора часа пути. Из-под колёс летящих навстречу автомобилей, из-под собачьего лая, звуков мастерских и берёзового шёпота — она выглядывала тайком и оплетала всё вокруг едва заметной паутинкой, становилась попеременно то жидкой и прозрачной, то застывшей кисейной дымкой, и тогда слегка схватывала дыхание, вынуждая напоминать лёгким об их основной функции. В противном случае и задохнуться можно, но в целом я любил ходить пешком, поэтому и не жаловался.

• • •

Маска, которую я держал в руке, была вырезана из дерева крайне неумело, будто её на скорую руку смастерил ребёнок; пропорции не были соблюдены, один глаз — заметно больше другого, а посередине красовался огромный, растянутый в улыбку до ушей рот.

Я смотрю на маску, а маска смотрит на меня. Я смотрю вместе с маской.

От скуки я то надевал её, то снимал. Вопреки всем ожиданиям, она оказалась мне почти по размеру. Я переделся, благо в моём халатном гардеробе нашлось место для рубашки и брюк. Последующие полдня я проторчал в своей недостроенной черепаше. Если быть более точным, корпус её был уже готов, не хватало только внутренней отделки. Без звукоизоляции я слышал, как сотрудники обсуждают

нездоровое состояние директора: якобы тот уже несколько часов кряду молча таращится в одну точку, не реагирует на звонки и личные обращения. Я же пытался разгадать, что было не так в его словах, сказанных на камеру (за исключением, естественно, самого этого действия в данных обстоятельствах). Не в самих даже словах, но в этой странной игре, что предполагает наличие зрителя, которого мы не видим и никогда не увидим в момент разыгрывания самой партии. На что бы я обратил внимание, сам будучи зрителем? На рваные тени, что зловеще скользят по лицу говорящего, на симметричные линии интерьера, на обидиановую Венеру на столе, на фото в графитовой рамке, почти одиннадцать на циферблате, пятница. Стоп-кадр. На всё то, на что я и так обратил внимание?

— Пора? Так скоро... — произнёс он, когда я закрыл за собой дверь. Очевидно, он относился к чрезвычайно молчаливому сорту людей, стоит которым приблизиться к краю, как говорливость завладевает ими полностью, компенсируя годы сдержанности. — Приглянулась маска, гляжу.

— Забавная.

— Правила знаешь? Или тебе и этого не рассказали?

— Нет.

— В курсе, откуда она? Там, откуда я родом, говорят: надень носки, и ты уже наполовину одет, надень всё, кроме носков, и ты одет только наполовину.

Если я продолжу, пусть даже не дословно, описывать все свои недоумевающие реакции, то, боюсь, мне придётся выставить себя в ещё более идиотском свете (возможно ли это, судить не берусь). Поэтому прошу у читателя позволения иногда не отвечать на реплики уважаемого господина директора, а в качестве замены, дабы не утяжелять диалоги многоточиями, предлагаю поговорить о погоде (люди любят обсуждать погоду).